

ТИХІЙ ЗВОНЪ.

(ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ КАРАДАГЪ.)

Сказаніе о Карадагскомъ монастырѣ, неизвѣ-
шемъ по бѣдности колоколовъ, и о звонѣ св. Сте-
фана, который услышали съ моря, когда прави-
тель страны Анастасъ освободилъ невинно осу-
жденнаго,—живетъ понынѣ среди рыбаковъ.

Отвѣсными спадами и пропастями надвинулся Карадагъ на безпокойное море, хотѣлъ задавить его своею тяжестью и засыпать тысячью подводныхъ камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана, бѣлой пѣной вздымается на прибрежныя скалы и, въ безсиліи проникнуть въ жилище земли, сбѣ-
гаетъ въ морскія пучины.

Дышетъ мощью борьбы суровый Карадагъ, гордой пѣсней отваги шумятъ черныя волны, красота тихой глади рѣдко заглянетъ въ изгибъ береговъ.

Только тамъ, гдѣ зеленымъ откосомъ сползаетъ ущелье къ заливу, чаще вѣетъ миромъ покоя, свѣтлѣй глубина синихъ водъ, манитъ нѣгой и лаской привѣтливый берегъ.

Обвилъ виноградъ въ этомъ мѣстѣ сѣрые камни разваливъ древняго храма, желтый шиповникъ смѣшался съ пунцовымъ піономъ и широкій орѣхъ тѣнить усталаго прохладой въ знойный день.

Въ свѣтлыя ночи встають изъ разваливъ видѣнья давнихъ лѣтъ; церковная пѣснь чудится въ легкомъ движеніи отлива; точно серебрится въ лунныхъ лучахъ исчезнувшій крестъ.

Изъ ущелья, въ бѣлыхъ пятнахъ тумана, выходятъ тѣни людей; въ черныхъ впадинахъ скалъ зажигаетъ свѣтлякъ пасхальныя свѣчи; шелестятъ по листьѣ голоса неясною сказкой.

Міръ таинственныхъ грезъ подходитъ къ міру видѣній, и для чистой души, въ сочетаніяхъ правдивыхъ, исчезаетъ грань мѣстъ и время.

Колыхаясь огромный корабль отдѣляется отъ скалъ и идетъ въ зыбь волны. На кормѣ у него, въ ореолѣ лучей, уходящій на мученической подвигъ святитель Стефанъ; отразились лучи по волнѣ серебристымъ отсвѣтомъ.

Оглянулся святитель на землю: затемнилась гора. Черной мантией укрылъ Карадагъ глубины пропастей, черной дымкой задернулись воды залива. Молился Стефанъ. Легкій бризъ доносилъ до земли святыхъ слова и внимали имъ тѣни у развалины храма.

Изъ толпы отдѣлилась одна; свѣтъ звѣзды побѣжалъ по мечу правителя Оуль Анастаса. Со скалы взбилъ крылами мощный орелъ; содрогнулся рой видѣній.

Изъ пещеры взлетѣла сова. Раздалось погребальное пѣнье оттуда, и плачевной волной понеслось. Догорающій свѣтъ, отголосокъ костра рыбаковъ, по тропинкѣ скользнулъ и на ней промелькнула тѣнь старца.

Плакалъ старецъ,—въ Свѣтлую ночь совершилось въ Оулахъ убійство,—на кровавый искусъ осудилъ Анастасъ неповинныхъ.

Оборвались откуда-то камни, долго бѣжали по кручамъ оврага; въ шорохѣ ихъ былъ слышенъ неясственный ропоть.

Надъ скалой загорѣлась краснымъ свѣтомъ звѣзда, отразилась багрянцемъ въ заливѣ, упала тонкимъ лучомъ на шипъ дикихъ розъ и кровинкой казалась въ піонѣ.

И вздрогнула тѣнь Анастаса, опустила свой мечъ; скатилась съ піона кровинка; звилась бѣлая чайка съ утеса, понеслась надъ горой: видно откроятся двери Оульской тюрьмы.

Зажглась въ небесахъ звѣздная сѣть, бѣлымъ свѣтомъ обвила луна Карадагъ, одѣлась гора въ ризу блеска отъ отсвѣта звѣздъ.

Заискрилось море миллиономъ огней.

По зыби морской, отъ разваливъ стариннаго храма, развернулся коверъ бриллиантовъ и надъ нимъ хороводъ свѣтлыхъ душъ, въ прозрачномъ вѣнцѣ облаковъ, пѣлъ пасхальный канонъ:

— Христосъ анѣсти!

На мгновение мелькнулъ въ уходящей дали Стефановъ корабль и оттуда, гдѣ онъ исчезъ, понесся волной тихій пасхальный звонъ.

Радость свѣтлаго дня доносили тихій звонъ до земли; перекатами эха были подхвачены въ горахъ Карадага, перекинуты на сѣверъ неясной мечтой; у костра пробудили рыбаковъ.

И исчезъ мiръ видѣній.

